

В доме по-прежнему царила ослепительная белизна. Мебели других цветов почти не было — казалось, в этом бесконечном белом пространстве любой иной оттенок просто не смог бы существовать.

— У него что, обсессивно-компульсивное расстройство? — не удержалась Сьюзан.

Ей было трудно понять, зачем обставлять всё мебелью одного цвета. От долгого созерцания такой белизны начинали болеть глаза.

Габриэль, проходя мимо, тихо произнесла:

— Очень красиво, не правда ли?

Сьюзан обернулась на девушку. В её мрачных глазах читались эмоции, которые Сьюзан не могла разгадать. Почувствовав взгляд, Габриэль повернулась и бросила на неё сердитый косой взгляд.

Не хочешь, чтобы смотрели — не надо, подумаешь, великое дело, — Сьюзан пренебрежительно скривила губы.

Белизна от потолка до самого пола создавала странную иллюзию. Казалось, человек находится в каком-то фантастическом, головокружительном пространстве, где грани предметов стираются, и всё вокруг начинает шататься.

Планировка дома Хью ничем не отличалась от обычных квартир: простая и чистая, две комнаты и гостиная. Для одного человека — вполне достаточно. Одну комнату он приспособил под спальню, другую, судя по всему, использовал как кладовку для ненужных механических деталей.

Гостиная была обставлена аскетично: ни телевизора, ни монитора, только базовый набор — диван, журнальный столик и обеденный стол. В углу стоял горшок с цветком. Он тоже был белым, с поникшими лепестками.

Чжоу Фань вспомнил записку: Сегодня она принесла этому чудаку цветок. Возможно, речь шла именно об этом растении. После сновидения Узлы сердца Ино он изучил основы ботаники и теперь мог узнать розу, но на этом его познания заканчивались.

Обойдя столик, он вошёл в спальню.

Комната была солнечной, но в ней не чувствовалось ни капли тепла. Холодная капсула для сна и сплетения проводов выглядели безжизненно. Однако на левой стене выделялся ряд винтажных розовых стикеров, совершенно не вписывающихся в общую атмосферу.

Все записи были сделаны одной рукой — почерк изящный, подпись Эйлин. Стикеры были тщательно упорядочены и наклеены в хронологическом порядке.

Там были обычные повседневные вопросы: что он хочет поесть, куда мечтает сходить, понравился ли подарок, когда у него день рождения... Разрозненные фразы, похожие на заботливые приветы от близкого друга.

Должно быть, этот человек очень много значил для хозяина комнаты. Углы стикеров были бережно расправлены, а сзади приклеены магниты, чтобы их не сдуло — всё было закреплено на совесть.

Чжоу Фань пригляделся и заметил, что открытая дверь как раз закрывала стикеры от чужих глаз.

Судя по записке у входа, Хью был замкнутым андроидом, друзей у него было немного. Вероятно, автор этих записок была одной из немногих, кто мог заходить к нему в комнату.

Он прятал их, чтобы она не увидела? Неужели антроиды способны испытывать чувство неловкости?

Чжоу Фань мог лишь гадать, заложили ли создатели Хью подобные программы. У капсулы лежала стопка книг по психологии и этике с пометками на полях. Там были записаны вопросы: Могут ли чувства возникать из фиксированной программы? Как семейное воспитание влияет на характер антроида? Какова внутренняя связь между законами людей и правовым сознанием антроидов?

Услышав шаги, он обернулся и увидел Оуэна. Тот стоял в углу, опустив взгляд на цветок.

— С розой что-то не так?

Оуэн повернулся к нему и покачал головой. Впервые на его лице не было улыбки.

Не успел Чжоу Фань подойти, как система издала звонкий сигнал: Обнаружение комнат Сновидцев завершено. Остальные комнаты открыты, пожалуйста, приступайте к поиску фрагментов сюжета.

Шу Цянь, которому давно не терпелось действовать, поспешил к другим дверям, пытаясь подобрать ключ. После нескольких попыток ему удалось открыть одну из них.

На двери был изображен пронзенный гвоздем язык, а на его ключе было выгравировано: Гордость и предубеждение убивают без крови.

Правила изменились. Похоже, у каждого ключа была своя дверь. Шу Цянь хотел украсть ключи у остальных, но не решился — смелости не хватило. Эх, вот бы представился случай отвлечь внимание остальных.

Размышляя об этом, он толкнул дверь.

— Черт возьми!

В следующую секунду он отшатнулся с криком, напуганный увиденным.

Остальные, привлеченные его возгласом, подошли ближе и замерли.

Если до этого их утомляла ослепительная белизна, то красный цвет в этой комнате стал настоящим ударом.

Кровь была повсюду: на полу, диване, мониторе, потолке... Красное внутри и белое снаружи создавали резкий контраст, словно черта между мирами. В комнате стоял тяжелый, затхлый запах сырого мяса, окна были плотно закрыты.

В некоторых местах кровь была размазана неровно, обнажая белую стену, и эта деталь пугала еще сильнее: казалось, каждый мазок был сделан вручную.

У кого может быть столько крови?

От этой мысли всем стало не по себе.

Запах железа был настолько резким, что вызывал тошноту. Сюэзан зажала нос и отступила назад, не решаясь войти. Бай Сун нахмурился и остался стоять на месте. Шу Цянь тоже не спешил, озираясь по сторонам — никто не хотел идти первым.

Цок, цок.

Пока все колебались, звук туфель Габриэль по полу прозвучал особенно отчетливо.

Она с невозмутимым видом вошла в комнату и, остановившись в гостиной, начала искать улики.

— Как она... — Шу Цянь хотел спросить, откуда у этой мрачной девчонки столько смелости, но, увидев, что никто не обращает на него внимания, проглотил слова.

Следом за ней вошел Оуэн. Он неизвестно откуда достал белые шелковые перчатки, тщательно

их поправил и шагнул в кровавое помещение.

Кровь еще не успела засохнуть, и подошвы ботинок неприятно липли к полу.

Внутри запах крови оказался не таким сильным, как снаружи. Чжоу Фань присел и осторожно коснулся пальцем красного пятна.

Кровь была вязкой, в ней чувствовались какие-то мелкие частицы. Это не было похоже на обычную кровь, скорее на какую-то смесь... Он задумался, внимательно разглядывая пятна на полу. Кровь сворачивалась в уродливые корки, пронизанные сеткой тонких нитей.

Напоминало кровеносные сосуды.

Чжоу Фань нахмурился и вытер палец, но неприятное ощущение липкости не проходило. Неясно, как это связано с языком на двери.

Это была обычная квартира. Габриэль уже успела осмотреть шкаф в гостиной, где лежал старый браслет. В нем сохранились резервные копии сообщений — видимо, она забыла их удалить, и теперь они высвечивались на проекции.

«Из четвертого сектора привезли оборудование, босс велел доставить на склад».

«Пойдем сегодня вечером погуляем во втором секторе? Слышал, там завезли кое-что интересное...»

«Не повезло, опять встретил этого чудака. Надо придумать, как выставить его отсюда».

«Слышали? Новый жилец заселился. Фигурка что надо».

«Оборудование переправлено в третий сектор».

«У новой жильчихи явно не все дома, постоянно пишет записки этому чудаку. Может, он её внебрачный сын?»

«...»

В переписке преобладали злобные домыслы и сплетни, становившиеся со временем всё более ядовитыми. Редкие сообщения о работе выглядели в этом чате совершенно чужеродно.

В углу проекции была фотография владельца браслета в рабочей форме: простоватый мужчина с застенчивой улыбкой. Ничего примечательного. Кто бы мог подумать, что такой человек

втайне обожает перемывать кости соседям? Вроде бы обычные отношения, а на деле — сплетник, переполненный ядовитым любопытством и жаждой осуждения.

Грязь и злоба человеческой природы всегда вызывают отторжение. Чжоу Фань выключил проекцию и направился вглубь квартиры.

Вид кроватной комнаты отпугнул остальных. Они предпочли попытать счастья с другими дверями и в итоге открыли еще две.

Ложь будет наказана — соответствовало рисунку пистолета.

Она шагнула в омут — соответствовало рисунку розы.

Осталась последняя дверь — белая, с изображением механических деталей.

На ключе Оуэна было написано: Восхвалять смерть невинной простотой. Кроме него, неиспользованным оставался только ключ Габриэль.

На её ключе значилось: Бог создал человека по своему образу и подобию.

Когда Чжоу Фань вышел из кроватной квартиры, остальные уже разошлись по своим комнатам. Двери были распахнуты, позволяя заглянуть внутрь.

Чжоу Фань взмахнул рукой, разгоняя запах крови, и вошел в дверь напротив дома Хью.

На двери красовалась изящная роза, а внутри всё было уютно и мило. На столе в прозрачной вазе стоял букет цветов, как на картине маслом, скатерть с кружевами, диван накрыт чехлом — каждая вещица на полке стояла на своем месте. Стиль оформления напоминал моду столетней давности.

Теперь Чжоу Фань почти не сомневался: та, кто приносила Хью цветы, оставляла винтажные записки и о ком судачили соседи — это хозяйка этой квартиры, нежная женщина, любящая жизнь.

— Нашли что-нибудь особенное? — Оуэн бесшумно подошел к нему. Его улыбка была прежней, словно он снова надел маску.

Чжоу Фань как раз изучал единственную улику, оставшуюся в спальне — рентгеновский снимок черепа, на котором была видна трещина.

— Габриэль или ты — у кого из вас ключ фальшивый? — спросил он в ответ.

— Думаете, дело в ключе? — Оуэн улыбнулся и погладил подбородок. — В какой-то степени вы правы.

Он сделал шаг вперед, сжимая в руке ключ в белой перчатке.

— Если угадаете, чей ключ подделка, я сообщу вам одну информацию. Договорились?

Информация от Оуэна наверняка стоила того. Чжоу Фань поднял взгляд, встретившись с его янтарными глазами, полными улыбки, и, подумав пару секунд, ответил:

— У тебя.

— Верно, — Оуэн кивнул и протянул ключ Чжоу Фаню.

Хотя он не знал, зачем нужен фальшивый ключ, он всё равно принял его и стал ждать.

Оуэн сделал приглашающий жест, и они вернулись в комнату Хью, где белая роза всё так же понуро опускала голову.

— У этого сорта роз есть другое название, — мягко произнес Оуэн. — Её называют Габриэль.

<http://bllate.org/book/20044/1980515>